

Находка в Вedomше

Теперь этого села нет. Его вобрал в себя посёлок Кубринск — центр Батьковско-Ольховского торфопредприятия.

Но начнём дальнейшее изложение с библиографии Переславского края.

Весной 1951 года мне захотелось уточнить и дополнить труд М. И. Смирнова «Переславщина», доведённый до 1920 года. Работа была интересная, но трудоёмкая. Занимаясь в читальном зале библиотеки имени В. И. Ленина в Москве, я с удовольствием перелистывал подшивки старых газет. Особенно интересно было читать корреспонденции из Переславля-Залесского за время между 1879 и 1884 гг., опубликованные в «Русском курьере» и «Современных известиях». Они были злободневны и остры для своего времени, сообщали порой о фактах, каких не найдёшь в других источниках. Статьи — анонимны, но по свидетельству И. Ф. Масанова, автора «Библиографии Владимирской губернии» и «Словаря псевдонимов», они принадлежали перу А. В. Смирнова — земского врача Переславского уезда, журналиста и краеведа. Меня очень заинтересовала одна из его статей в номере от 26 июня 1880 года в газете «Русский курьер».

В ней А. В. Смирнов сообщал о заседании Владимирского окружного суда, состоявшегося 28—29 мая в Переславле-Залесском:

Между многими разбиравшимися делами обращает на себя внимание дело — о неповиновении крестьян села Вedomша властям. По этому делу подсудимых было 175 человек, — всё мужское население села. Суть дела состоит в том, что крестьяне села Вedomши, бывшие крепостные г. М—а,¹ в последние годы отказывались платить ему подать, так что за ними накопилось недоимок около 10 000 рублей. По требованию г. М., наконец, начальство вынуждено было приступить к описи имущества крестьян. Вот тут-то, в 1879 году, и произошло «неповиновение». Приехавших судебного пристава, а потом и самого исправника крестьяне не допустили к описи имущества, сопровождая своё неповиновение различными угрозами. Мотивом к неповиновению было то, что доставшаяся им земля — и малочисленна и неудобна. Крестьяне заявляли о причине неплатежа. Сначала как-то не обращали внимания на это, но потом, когда дело приняло острый характер, приступлено было к проверке жалоб крестьян. Земля, действительно, оказалась никуда не годной. Не знаю, насколько верно, но говорят, что и земля-то введена во владение не та, что значится в плане. Приехавший член из Губернского по крестьянским делам присутствия обещал крестьянам, что дело будет решено в их пользу; но пока ещё всё по старому остаётся. На суде имело место разбирательство только неповиновения и сопротивления крестьян, а на желание крестьян объяснить *причину*² всего бывшего, разумеется, заявлено, что это не входит в настоящее дело и предоставляется им просить где следует...

Факт чрезвычайно интересный для краеведов! До сих пор крестьянские бунты в после-реформенной переславской деревне были неизвестны.

Несколько лет мы с тогдашним директором Переславского краеведческого музея К. И. Ивановым искали следы этого дела, он во владимирских, а я в московских архивах. Ничего не нашли... Тогда решили съездить в Вedomшу сами, чтобы расспросить у тамошних крестьян о бунте. Мы выехали туда 22 мая 1960 года.

*Васильев, С. Д. Находка в Вedomше / С. Д. Васильев // *Коммунар*. — 1979. — 26 января. — С. 3.

¹Мина. — С. В.

²Подчёркнуто автором статьи. — С. В.

Несмотря на своё окраинное положение в бывшем Переславском уезде, Ведомша была в нём самым крупным населённым пунктом. В 1910 году здесь проживало 1 430 человек, а через десять лет — 1 840. Крестьяне там были темны и малокультурны. И неудивительно: в столь заселённой Ведомше в 1908 году, например, по данным отчёта земской управы, в сельской школе учились только 53 мальчика и 21 девочка, а окончили её 16 детей.

Неудобной и малоплодородной землёй владели крестьяне, и той не хватало: в 1875 году у 770 крестьян было 789 десятин [862 га], а у помещика Мина — 1 588 десятин [1 735 га]. Это заставило крестьян искать побочных заработков. Во второй половине XIX века здесь развились промыслы лесной химии: гонка дёгтя, смолы и тому подобные.

Константин Иванович пошёл по одной стороне главной улицы, а я отправился по другой. Искать старожилов, которые знали из разговоров отцов и матерей, помнивших о бунте, дело не простое. Тем не менее, по адресу «старый дом за телевизором» (тогда в сёлах телевизоры были в диковинку) мне посчастливилось найти свидетеля тех далёких событий — Алексея Ивановича Пичужкина-Калязинцева. Ему 89 лет, но и в эти годы он сохранил хорошую память.

Я попал к нему в праздничное застолье. Был воскресный день. Извинился, конечно, за приход не вовремя. Объяснил, зачем. С крестьянским гостеприимством он усадил за стол и принялся угощать меня...

Началась беседа:

— Да, помню я много, хоть тогда и мальчишкой был, потом от старших узнал. Самого помещика Мина уже не было, помер он, а остались его сёстры. Одна из них подъехала к селу, да застряла в болоте. Дорог тогда не было. Прибегает её дворецкий сгонять народ барыню выручать. Пошли мужики. Побегал и я посмотреть. Был у нас дядя Аверьян — силач страшный. Он как схватил за колесо кареты, так и выволок её. В нашей местности оттепель была, а барыня приехала с нас долги собирать.

На другой день, с утра, приехавшие прокурор и исправник с полицейскими согнали всех мужиков. Поставили их на колени. Исправник стал читать бумагу, что отбирать у нас будут всё за долги барыне. Ругали, почему не платим, а мужики закричали: «Не допустим, земля неправильная, чиновник из губернии сказал в нашу пользу, что перемеряет землю».

Прокурор с исправником дали мужикам сутки срока — собрать деньги!

Потом мой отец говорил дома: «Где же денег-то взять, последний лес на корню продали».

Отец рассказывал, как мужики окружили каждый свой дом, не пускали полицию и, постепенно, напирая стенкой, вытеснили её из села.

В мае произошло то же самое. Помню, как нас, ребят, ночью отправили со скотиной в лес по заветным тропам, которые знали только мы одни. Строго-настрою нам запретили показываться в селе.

Я заинтересовался, сколько земли было в его семье. Дедушка Алексей твёрдо ответил:

— Три с половиной десятины [3,8 га]. Под пашней только одна, и та почти ничего не давала. А нас было шесть душ. Поди-ка, прокормись.

— Суд был через год после бунта, — продолжал он. — Мужиков погнали в Переславль. Почитай, всё село поехало. Целый обоз. И нас кое-кого из ребятишек взяли. Тогда я в первый раз попал в город. Горе, конечно, у нас было великое, а мне — в диковинку новое. Мать всю дорогу проплакала. Отец её утешал: «Ничего нам не будет, мы всем миром».

Всему миру и всыпали каталажки по месяцу. Ох, и слёз было! Вернулись домой, целую неделю ревели. Самая пора в поле работать, а мужиков нет. Кое-как бабы с ребятишками управились. Пустили нас тогда судьи по миру!

Алексей Иванович замолчал, детство ему вспомнилось, вздохнул глубоко...

— А почему у вас, — поинтересовался я, — фамилия отличается от отцовской? У него Пичужкин, а вы — Калязинцев?

Дедушка Алексей рассмеялся.

— Это, милок, тоже имеет отношение к бунту. Земли-то было мало. Когда я женился и отделился от отца, есть было нечего. Ну и подался в Калязин на заработки, искать хорошей жизни. Так наискался, что мало без порток не пришёл. С тех пор и прозвали — калязинец да калязинец. Вот и стал я Калязинцевым из Пичужкина.

Как ни хорошо слушать очевидца малоизвестных событий, пора было и уходить. Я взялся за фуражку, но старик меня остановил:

— Постой, погоди, милоч! — сказал он и вышел. Минуты через три возвратившись, дедушка Алексей протянул мне что-то завернутое в деревенскую холстину.

— А вот это вам, в музей!

Развернув холстину, я ахнул. Мне много приходилось удивляться на своём веку, но ни разу не был так взволнован, как тогда. В руках у меня было подлинное обвинительное заключение по делу о неповиновении ведомшских крестьян!

Вот этот примечательный документ:¹

Обвинительный акт товарища прокурора Владимирского окружного суда Н. А. Мясоедова по делу о крестьянах села Ведомша Переславского уезда Матвее Иванове Кабанове, Гавриле Кузьмине Борисове и прочих, обвиняемых в преступлении, предусмотренном 2 частью 273 статьи «Уложения о наказаниях».

14 января 1879 года в село Ведомшу Переславского уезда прибыл согласно предписанию местного уездного исправника пристав 2-го стана Константинович для отобрания имущества всех крестьян сказанного селения, описанного на предмет пополнения числящейся за крестьянами оброчной недоимки в количестве 8455 рублей. Для оказания помощи становому приставу в село Ведомшу были вызваны Вишняковский волостной старшина Иван Никитин Панов и полицейский урядник Григорий Иванов Тюкин. В присутствии названных лиц крестьяне отдать имущество отказались, заявляя приставу, что надел их должен быть пересвидетельствован и что оброка они платить не будут. Из показаний названных лиц видно, что крестьяне всем селением окружили дом, откуда предполагалось взять имущество и стали кричать: «Не дадим, что хотите делайте», когда же становой пристав пожелал пройти к дому, то крестьяне сплотились, стали стеной и не пропустили его. На основании этих данных к предварительному следствию были привлечены 146 крестьян села Ведомши [следует перечисление фамилий].

Все они, не отрицая участия своего в сопротивлении становому приставу, объяснили, что они отказываются платить оброк, так как не имеют надлежащего надела, обеспечивающего их существование, и желают вследствие сего, чтобы им был отведён новый надел, а до тех пор они не будут в состоянии выплачивать требуемый с них оброк. После этого события по постановлению Владимирского губернского по крестьянским делам присутствия в село Ведомшу 26 мая отправился уездный исправник Бунин для той же цели, то есть отобрания имущества, но крестьяне вторично и тем же способом отказались исполнить требование исправника. В означенном вторичном сопротивлении приняли участие следующие 160 домохозяев села Ведомши [идёт перечисление фамилий].

Вышеназванные обвиняемые на допросе у судебного следователя виновными себя в преднамеренном с общего согласия неисполнении законных требований исправника признали, объяснив, что они были вынуждены к этому крайней бедностью, при которой продажа скота и иного имущества привела бы их к совершенному разорению.

На основании всего изложенного крестьяне с. Ведомши [перечисляются уже 179 фамилий] обвиняются в том, что по предварительному между собой сговору уклонились от лежащих на них обязанностей уплаты оброчной недоимки, а затем и выдачи по требованию полицейских властей принадлежащего им имущества. Преступление это предусмотрено ч. 2 ст. 273 Улож. о нак., вследствие чего, за силой ст. 200 и 208 Устава Угол. Суд. и согласно определению Московской судебной палаты, состоявшемуся 24 августа с. г., названные лица предаются суду Владимирского окружного суда без участия присяжных заседателей.

Подписал: товарищ прокурора Н. Мясоедов.²

Я горячо поблагодарил Алексея Ивановича за драгоценный подарок, который был недостающим звеном в цепи наших знаний.

Простой русский крестьянин восемьдесят лет хранил этот исторический документ — свидетельство первого выступления крестьян родного села против помещиков и произвола царских властей.

¹ Полностью публикуется впервые.

² Этот текст недостоверен. Другой его вариант см.: *Васильев, С. Д.* Трофей дедушки Алексея (к 80-летию судебной расправы над крестьянами села Ведомши) / *С. Д. Васильев // Победа (Нагорье)*. — 1960. — 11 июня; 14 июня. — С. 3; 3. — *Ред.*